

пы-плитки в 5-м уровне стоянки Хотык, что, возможно, и сближает материалы этого уровня с аланскими. Но, судя по всему, здесь таких артефактов единицы, и поэтому говорить об общей линии развития для аланских стоянок и Хотыка (уровень 5) пока рано.

И последнее. По мнению исследователей, слабодефлированные материалы с местонахождений Арц-Богдо отражают переход от среднего к верхнему палеолиту, о чем, в частности, свидетельствуют переходные формы каменных артефактов, демонстрирующие развитие индустрии в целом [Деревянко и др., 2001]. На местонахождениях долины Алана пока не фиксируются переходные формы, т.е. верхне- и среднепалеолитические материалы четко разграничиваются. Еще меньше прямой преемственности наблюдается между аланскими комплексами и пластинчатой индустрией начала верхнего палеолита, представленной на известных поселениях Подзвонкая, Толбага, Варварина Гора, Хотык. Возможно, влияние аланской индустрии проявилось в материалах позднепалеолитических стоянок на р. Селенге – Усть-Кяхта-15, 16. На данный момент можно определенно говорить лишь о том, что переход от среднего к верхнему палеолиту на территории Западного Забайкалья в выраженной и доказуемой последовательности не наблюдается. В то же время перерастание “обушковой” технологии в пластинчатую вполне возможно и без перехода к торцовому расщеплению, и при сохранении плоскостного. Выявление такого процесса – задача будущих исследований.

Список литературы

- Деревянко А.П., Кривошапкин А.И., Ларичев В.Е., Петрин В.Т. Палеолит восточных предгорий Арц-Богдо (Южная Гоби). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 152 с.
- Деревянко А.П., Олсен Д., Цэвээндорж Д., Кривошапкин А.И., Петрин В.Т., Брантингхэм П.Д. Много-слойная пещерная стоянка Цаган-Агуй в Гобийском Алтае (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1. – С. 23–36.
- Деревянко А.П., Петрин В.Т., Кривошапкин А.И. Вариант леваллуазского рекуррентного метода для получения треугольных сколов в палеолитических комплексах северо-восточного фаса Арц-Богдо (Южная Монголия) // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий: Материалы междунар. симп. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 2. – С. 256–264.
- Деревянко А.П., Петрин В.Т., Цэвээндорж Д., Девяткин Е.В., Ларичев В.Е., Васильевский Р.С., Зенин А.Н., Гладышев С.А. Каменный век Монголии: Палеолит и неолит северного побережья Долины Озер. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 440 с.
- Лбова Л.В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – 240 с.
- Лбова Л.В., Резанов И.Н., Калмыков Н.П., Коломиец Л.В., Дергачева М.И., Феденева И.Н., Вашукевич Н.В., Волков П.В., Савинова В.В., Базаров Б.А., Намсараев Д.В. Природная среда и человек в неоплейстоцене (Западное Забайкалье и Юго-Восточное Прибайкалье). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. – 208 с.
- Ташак В.И. Комплекс палеолитических местонахождений Ирэн-Хада // Палеоэкология человека Байкальской Азии: Путеводитель к полевым экскурсиям. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1999. – С. 55–61.
- Ташак В.И. “Скальные” местонахождения каменного века Западного Забайкалья – аналоги пещерных стоянок // Мир Центральной Азии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002а. – Т. 1: Археология. Этнология: Материалы междунар. науч. конф. – С. 57–60.
- Ташак В.И. Хэнгэр-Тын-3 “Святилище” – природная основа палеолитического жилища // Проблемы каменного века Средней и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002б. – С. 192–196.
- Ташак В.И. Средний палеолит стоянок долины Алана (Западное Забайкалье) // Забайкалье в геополитике России: Материалы междунар. симп. “Древние культуры Азии и Америки”. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. – С. 24–26.
- Ташак В.И. Археологические памятники среднего палеолита Западного Забайкалья // Изв. Лаборатории древних технологий / Иркут. гос. техн. ун-т. – 2004. – С. 103–111.

Материал поступил в редколлегию 22.06.04 г.

УДК 903.2

С.В. Маркин

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: markin@paleo.archaeology.nsc.ru*

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ИНДУСТРИЙ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ*

Введение

Юго-восточная часть Западной Сибири включает Горную Шорию и Кузнецкую котловину, входящие в систему впадин и нагорий разнородной в геоморфологическом отношении Алтае-Саянской горной страны. Одним из основных водотоков региона является р. Томь, в среднем течении которой выделяется небольшой по протяженности участок долины с очень высокой для Западной Сибири концентрацией верхнепалеолитических объектов. На этом отрезке река, минуя склоны Абаканского хребта и попадая на юго-восточную оконечность Кузнецкой котловины с ее эрозионным ландшафтом, формирует древнюю долину шириной до 10 км. Здесь обнаружено почти 30 различных по сохранности местонахождений заключительной стадии верхнего палеолита [Маркин, 1986, 1999; Деревянко, Маркин, 1998]. Все объекты приурочены к покровному комплексу III (высота площадок у бровки 50–60 м) и IV (высота 35–45 м) террас Томи и впадающей в нее р. Кондомы, сопоставимому с осадками еловской свиты, которая относится к сартанскому (W_3 , вторая стадия эталонной океанической кислородно-изотопной шкалы SPECMAP) подразделению региональной стратиграфической схемы неоген-четвертичных отложений Кузбасса и Томь-Кольванской зоны [Зудин и др., 1982]. Еловские суглинки (легкие, желто-серые, серые, лессовидные, на некоторых разрезах включаю-

щие один–три горизонта слабо выраженных почв), которые содержат многочисленные костные остатки мамонтов, лошадей и других млекопитающих, формировались, судя по пыльцевым спектрам, в условиях открытых пространств с полынью и заболоченных березовых лесов с разнотравьем. Ранее памятники финальной стадии палеолита, расположенные в юго-восточном регионе Западной Сибири, по данным типолого-статистического анализа были объединены в территориально-хронологическую локальную культуру [Холушкин, Маркин, 1987].

Под технологическим анализом в настоящей работе подразумевается выявление последовательности операций, связанных с обработкой и эксплуатацией камня древним человеком. Эта цепочка должна включать как минимум три звена:

первое – выбор исходного сырья (определение удаленности сырьевых ресурсов от стоянки, выяснение природы технического поведения человека при взаимодействии с источниками сырья, реконструкция взаимоотношения между способами расщепления и формами / типами сырья);

второе – определение способов расщепления (анализ разнообразия утилизации нуклеидных форм и создание технологической системы, регламентирующей смену технических приемов на определенных стадиях расщепления);

третье – производство и использование орудий.

В последнее время подобного рода исследования затронули, помимо европейских, азиатские [Bar-Yosef, Meignen, 1992] и североазиатские [Васильев, 1996] ареалы палеолитических культур.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 04-01-00528а.

Технология обработки и эксплуатация литоресурсов

Исследованные памятники* отражают различную функциональную специализацию жизнедеятельности древнего человека (рис. 1). Выделяются как минимум три разновидности объектов. Прежде всего это базовые стоянки (Бедарево II, Шорохово I, Ильинка II, Сарбала III), демонстрирующие полный цикл обработки горных пород, включающий расщепление исходного сырья, получение разнообразных заготовок, производство и использование каменных орудий. Возможно, эти объекты являются остатками кратковременных стойбищ, на которых отсутствовали долговременные структуры и, следовательно, следы деятельности полного годового цикла. Иная природа накопления культурных остатков, характерная для временных производственных баз, зафиксирована в Шумихе I, определяемой как мастерская. Здесь орудия изготавливали и отсюда их, вероятно, уносили. Такой версии соответствуют невысокая доля орудий и заготовок для их изготовления, апплицирующиеся ядрища и большое количество, вероятно, специально отобранных галек, удобных для расщепления. Учитывая многочисленность чешуек и мелких осколков, можно предположить, что на памятнике осуществлялось вторичное преобразование заготовок. Следующую разновидность местонахождений представляет клад, обнаруженный и исследованный А.П. Окладниковым в начале 1960-х гг. около пос. Аил [Окладников, 1968]. Его направленный типологический состав свидетельствует о том, что объект кратковременного, вероятно однократного, накопления; он определен как замкнутый комплекс. Каменный инвентарь клада тщательно подобран. В нем представлен ограниченный набор артефактов – преимущественно скребла и их заготовки в виде одинаковых крупных отщепов.

* В настоящей статье анализируются в основном материалы четырех наиболее хорошо исследованных погребенных местонахождений (Бедарево II, Шорохово I, Ильинка II, Шумиха I), на которых выявлены самые представительные серии артефактов (более 8 тыс. экз.), демонстрирующие различные стадии расщепления.

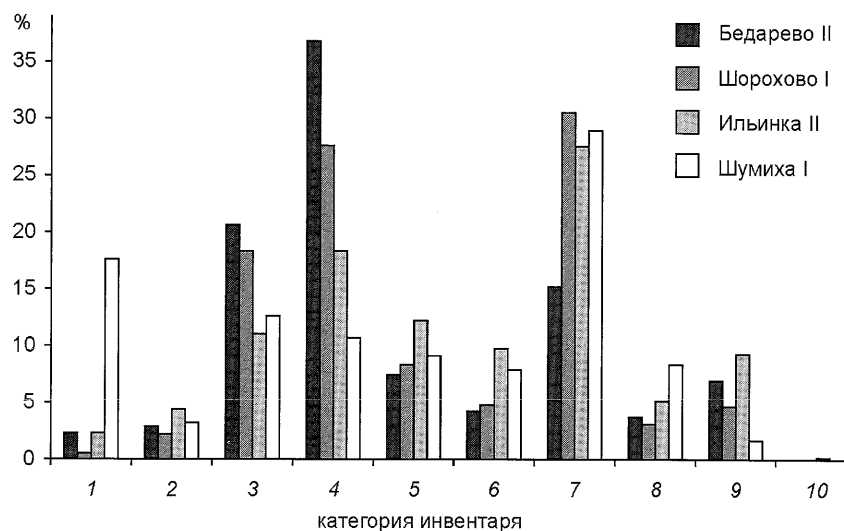

Рис. 1. Соотношение категорий каменного инвентаря в палеолитических индустриях долины Томи.

1 – гальки, 2 – ядрища и нуклеидные обломки, 3 – пластины и пластинчатые сколы, 4 – отщепы, 5 – первичные сколы, 6 – вторичные сколы, 7 – чешуйки, 8 – осколки, 9 – орудия, 10 – сколы леваллуа.

Основным источником сырья для обществ, с которыми связаны стоянки эпохи палеолита, на территории Томского бассейна являлись близлежащие обнаженные в нижней части террасы породы руслового аллювия и освобожденные от воды галечниковые пляжи. Находки представляют семь разновидностей пород (рис. 2). Доля артефактов из шести из них (кремнисто-глинистый и глинистый сланцы, кварцит, яшмы, порфиристы, агат) не превышает 2–11 %. Выделяются изделия со стоянки Ильинка II, выполненные из кирпичной яшмы, – их 14,1 %. Но на этом памятнике заготовки этой породы располагались недалеко друг от друга, что объясняется, очевидно, использованием одного желвака. Последний, частично апплицирующийся, находится в стадии максимального “истощения”. Основная часть артефактов (более 80 %) выполнена из кремня. Очевидно, что человек отбирал это сырье по цветовым оттенкам. Так, обитатели стоянки Бедарево II предпочитали черный кремень, а Ильинки II, Шумихи I и Шорохово I – кремень темных и светлых тонов. Природа технического поведения человека при взаимодействии с источниками сырья раскрывается и через использование кварцита, господствующего в толщах разрезов руслового аллювия. Его отбор и транспортировка на места поселений, не вызывавшие особых затруднений, происходили в соответствии с технологической ориентацией производства на получение тонких удлиненных заготовок. Орудия из кварцитов выполнялись на массивных отщепках. Отсутствие пластинчатых форм свидетельствует о том, что при существовавших способах расщепления из зернистого метаморфического сырья нельзя было получить правильно огранные сколы.

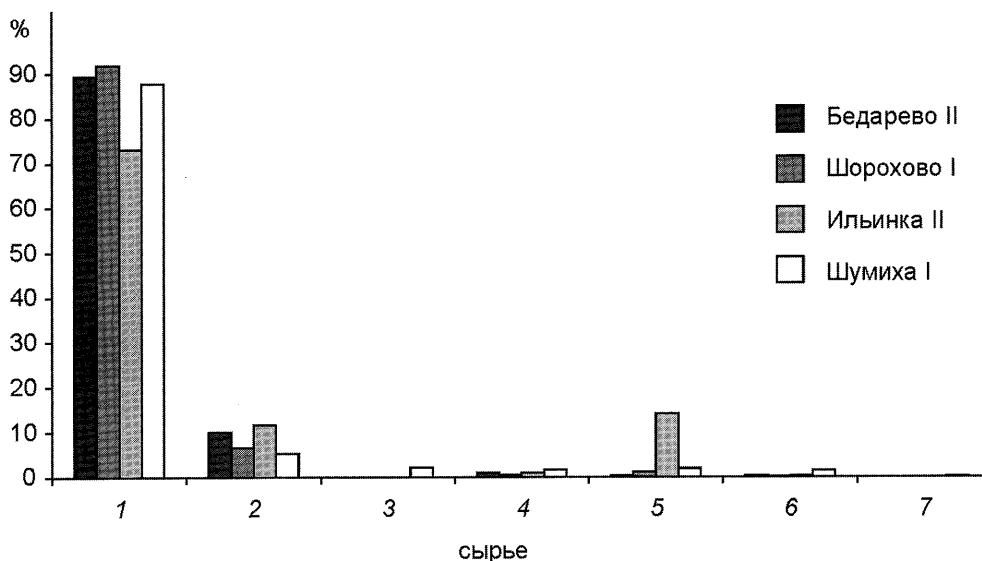

Рис. 2. Петрографическая характеристика технокомплексов палеолита долины Томи.
1 – кремь, 2 – кремнисто-глинистый сланец, 3 – глинистый сланец, 4 – кварцит,
5 – яшма, 6 – порфиры и порфириты, 7 – агаг.

Стандартной формой заготовки считалась продолговатая галька длиной 9–12 и шириной 4–7 см, образцы которой без признаков антропогенного воздействия встречаются на местах поселений (рис. 3, 1). На базовых кратковременных стойбищах такие гальки составляют 0,5–2,3 %, на мастерской их гораздо больше – 17,6 % (см. рис. 1). Расщепление принесенных галек начиналось с создания гладкой скошенной площадки, перпендикулярной длинной оси заготовки. Об этом свидетельствуют пренуклеусы с подготовленными площадками. Эксплуатация таких заготовок, имевших сырьевые (трещины, каверны на используемой гальке) или технологические (неудачный угол между площадкой и предполагаемой рабочей поверхностью ядрища и др.) дефекты, прекращалась. Первичные сколы с отбивных плоскостей нуклеусов имели сильно вогнутую нижнюю поверхность, “куполообразную” верхнюю. Они, как правило, не использовались в качестве заготовок. Первичное раскалывание производилось в основном с помощью плоского параллельного расщепления. Оно начиналось, возможно, с частичной предварительной очистки корковой поверхности путем снятия (последовательность таких сколов воссоздана по материалам Шумиха I) укороченных сколов (рис. 3, 2). Учитывая общий характер и морфологию, можно сделать вывод, что такие сколы сбиты с уже выбранной, иногда неподготовленной площадки и не придавали нуклеусу какой-то устойчивой формы. Часто ядрище эксплуатировалось после скалывания одного-двух первичных сколов с целью получения ребра – элемента, являющегося необходимым для снятия пластинчатой заготовки.

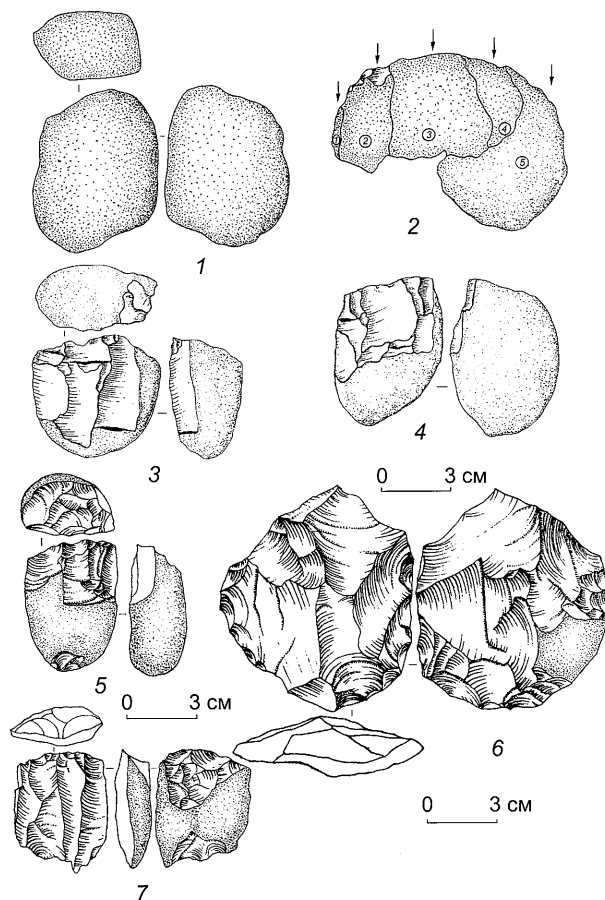

Рис. 3. Продукты расщепления в палеолитических индустриях долины Томи.
1 – галька; 2 – технические сколы и их ремонт; 3–7 – ядрища.
1, 2, 5–7 – Шумиха I; 3, 4 – Шорохово I.

Об этом свидетельствуют различные по размерам и соотношению длины и ширины продукты расщепления с одной ложной гранью, занятой галечной коркой. Во время производства пластинчатых заготовок часть площадки ядрища, примыкающей к рабочей поверхности, фасетировалась. Эволюция процесса расщепления просматривается в характере подготовки отбивной поверхности нуклеуса для снятия определенных сколов (рис. 4–8). На последних выделяются гладкие, фасетированные, двугранные и галечные площадки. По сколам с Шумиха I можно проследить постепенное увеличение фасетированных форм начиная от первичных сколов и кончая пластинками. Резкое возрастание количества фасетированных площадок на пластинчатых заготовках зафиксировано в индустриях Бедарево II, Шорохово I и Ильинка II. По этим же материалам прослежено резкое сокращение гладких площадок на удлиненных снятиях по отношению к-

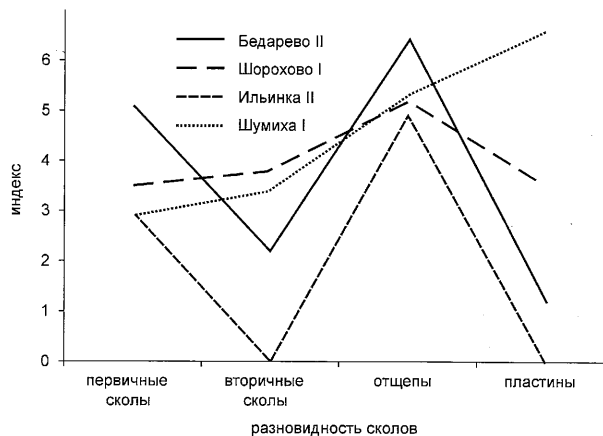

Рис. 6. Динамика индекса двугранных площадок у различных сколов в палеолитических индустриях долины Томи.

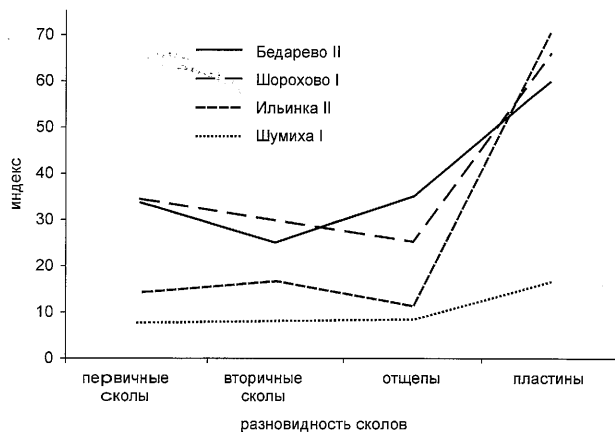

Рис. 4. Динамика индекса фасетированных площадок у различных сколов в палеолитических индустриях долины Томи.

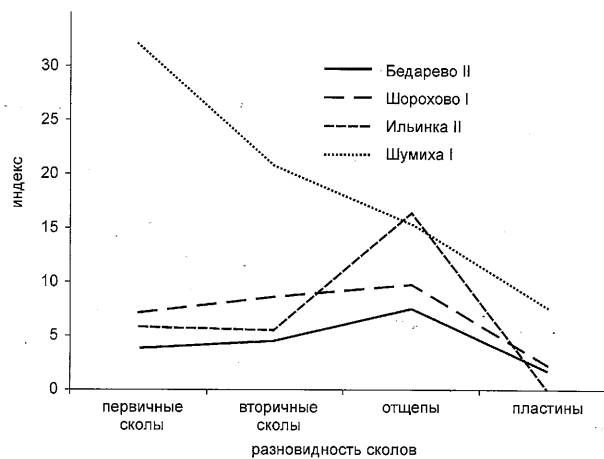

Рис. 7. Динамика индекса галечных площадок у различных сколов в палеолитических индустриях долины Томи.

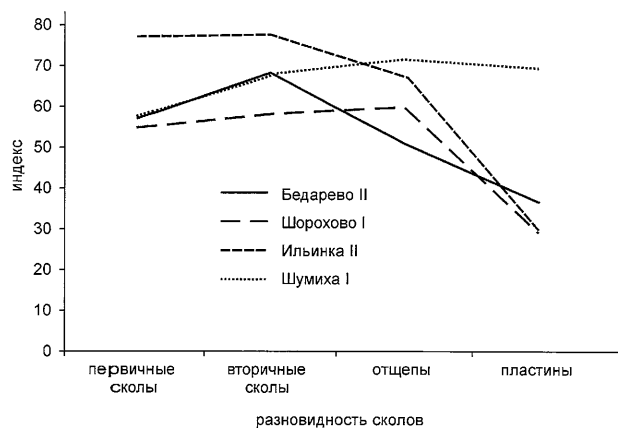

Рис. 5. Динамика индекса гладких площадок у различных сколов в палеолитических индустриях долины Томи.

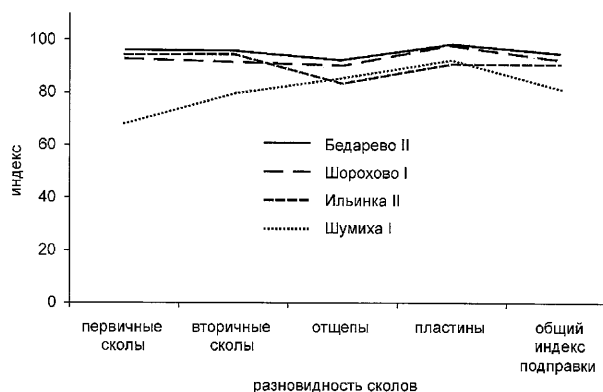

Рис. 8. Динамика общего индекса подправки площадок у различных сколов в палеолитических индустриях долины Томи.

щадкам других разновидностей сколов. Что касается двугранных площадок, то они на сколах со всех объектов встречаются редко. Индекс галечных площадок выше всего в индустрии Шумихи I (18,7). Здесь же наблюдается постепенное уменьшение индекса площадок, покрытых галечной коркой, начиная от первичных сколов и до пластин (индекс галечных площадок у краевых сколов равен 32, у полукраевых – 20,7, у отщепов – 15,3, у пластин – 7,6). Общий индекс подправок площадок у артефактов со стоянок Бедарево II, Шорохово I и Ильинка II выше 90, с Шумихи I – 81,3. Таким образом, для некоторых памятников в бассейне Томи (Шумиха I) характерна эволюция в оформлении ударных площадок для снятий определенных категорий сколов. Она выражается в значениях индексов фасетированных, двугранных и галечных площадок и соответственно общих индексов подправки, что связано с системой специальной подготовки ударной площадки или дуги на нуклеусе перед скалыванием предопределенной заготовки.

Наиболее распространенными ядрищами в палеолитических индустриях региона являются нуклеусы параллельного снятия (см. *таблицу*, рис. 9). Они различаются по характеру подготовки и количеству ударных площадок, количеству и расположению рабочих плоскостей, системе ориентации снятий (см. рис. 3, 3–5, 7; 10, 1). Следующую разновидность продуктов расщепления представляют торцовые нуклеусы (рис. 10, 2–8); некоторые из них являются уменьшенным вариантом одноплощадочных двусторонне-сопряженных форм. Изредка на крае, противоположном рабочей части, имеются признаки частичной под-

правки с целью получения своеобразного ребра (см. рис. 10, 8), которое позволяло, вероятно, поместить нуклеус в деревянное или костяное приспособление. Почти у всех таких ядрищ на боковых поверхностях прослеживаются следы параллельных снятий. Торцовые нуклеусы не являются аналогами клиновидных, которые представлены единичными образцами в Шумихе I и на некоторых стоянках поверхностного залегания. Клиновидные ядрища с этих памятников имеют обработанные латерали, треугольную рабочую поверхность, которая в нижней части посредством кия и гребня соединена с ударной площадкой (см. рис. 10, 9, 10). Наблюдается последовательное усложнение форм параллельных ядрищ в зависимости от количества площадок, рабочих плоскостей и характера ориентации негативов снятий от начальных этапов их изготовления до финальных стадий эксплуатации. Основой является одностороннее одноплощадочное ядрище с галечной тыльной поверхностью. Его производными могут быть двуплощадочные нуклеусы, одно- и двусторонние, со следами скалывания в параллельных, но противоположащих плоскостях. Сочетание таких форм нуклеусов на одном предмете образует ядрище трехстороннее, представленное уже сильно “истощенным” образцом. Другим вариантом двуплощадочных ядрищ является двусторонняя форма с признаками скалывания в продольно-поперечном направлении и на торцовой поверхности.

Второе направление эволюции одноплощадочных ядрищ получило воплощение в торцовых вариантах. Так, благодаря оформлению на односторонней фор-

Доля нуклеусов в палеолитических индустриях Томи, %

Ядрища	Бедарево II	Шорохово I	Ильинка II	Шумиха I
Одноплощадочные:	57,6	62,9	56,3	60,9
односторонние	80	72,7	66,6	78,6
двусторонние сопряженные	–	20,4	33,4	14,2
двусторонние несопряженные	20	6,9		7,2
Двуплощадочные:	38,5	12,8	25	13
двусторонние со следами снятия в продольно-поперечном направлении	10	33,3	50	–
двусторонние со следами снятия в параллельных, но противоположащих плоскостях	30	11,1	25	–
односторонние	50	44,4	25	100
трехсторонние	10	11,1	–	–
Торцовые:	–	21,5	12,5	4,3
односторонние	–	66,6	100	100
двусторонние	–	33,4	–	–
Клиновидные	–	–	–	13,3
Дисковидные	–	1,4	6,2	8,8
Леваллуазские	3,9	1,4	–	–

ме еще одной рабочей поверхности образовалось двустороннее ядрище со следами скалывания на широких плоскостях. В случае переноса рабочей поверхности на торец изделия формировалось ядрище, аналогичное микроторцовым, но более крупных размеров. Среди одноплощадочных односторонних и торцовых ядрищ, помимо вышеотмеченных, представлены и иные переходные формы, различающиеся по характеру оформления тыльной поверхности, – от обработанных по краям до сплошь оббитых. Вероятно, оформление контрфронта было необходимо, чтобы придать нуклеусу определенную форму и начать расщепление с торца. На начальных стадиях торцового раскалывания образовывались особые технические продукты – реберчатые пластины. Наконец, торцовые ядрища, достигшие уже стадии микрообразцов, служили для получения призматических микропластинок. Таким образом, остаточные формы нуклеусов на памятниках в долине Томи зачастую не совсем соответствовали первоначальному замыслу изготовителя; они, очевидно, отражают различные процессы утилизации.

Технология расщепления включала также радиальные (см. рис. 3, 6) и леваллуазские приемы раскалывания пород, имевшие, впрочем, явно подчиненное значение.

Сколы, получившиеся в ходе расщепления и фасетирования площадок нуклеусов, включают чешуйки и артефакты различных размеров, в основном от 1 до 5 см (рис. 11). Среди них выделяются пластинчатые заготовки (11–20,5 %) размерами менее 7 см. Среди пластинчатых сколов на всех местонахождениях велика доля фрагментированных форм (50,4–74,8 %). Однако признаки искусственной фрагментации заготовок (диагональный удар по краю основы, напоминающей диагональный резцовый скол) отмечены только в индустрии Шумихи I. В коллекциях с других памятников появление отдельных частей пластин связано

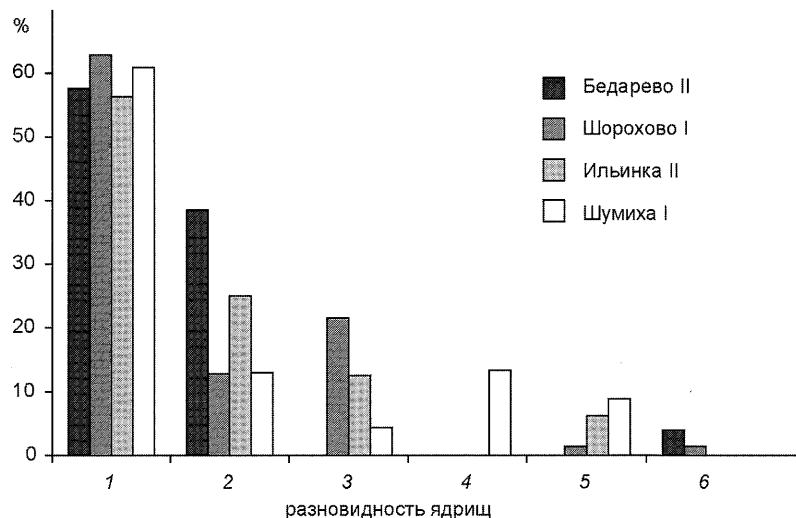

Рис. 9. Разновидности ядрищ в палеолитических индустриях долины Томи.

1 – одноплощадочные, 2 – двухплощадочные, 3 – торцовые, 4 – клиновидные, 5 – дисковидные, 6 – леваллуазские.

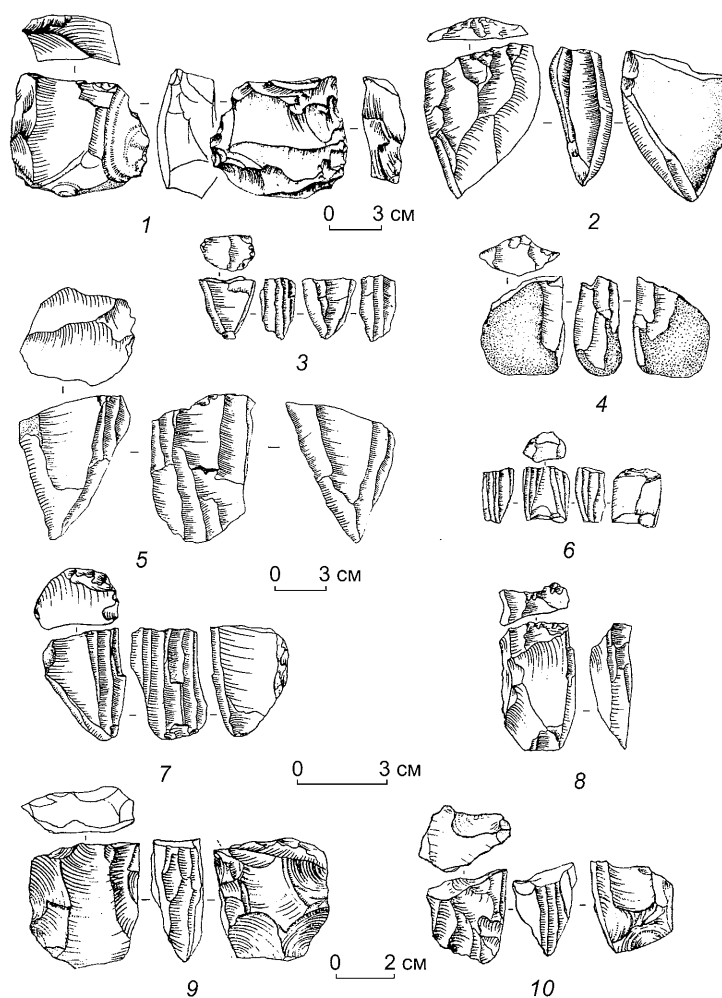

Рис. 10. Нуклеусы в палеолитических индустриях долины Томи.

1–8 – Шорохово I; 9, 10 – Шумиха I.

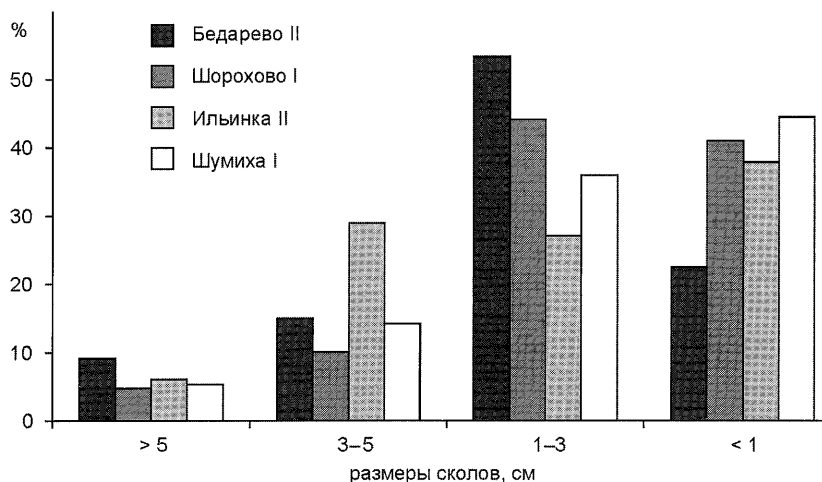

Рис. 11. Метрическая характеристика сколов с палеолитических памятников в долине Томи.

с фрагментацией заготовок в процессе производства или дальнейшей эксплуатацией в качестве орудий.

Основной формой заготовки для изготовления орудий в 50–74 % случаев являлся удлиненный скол с относительно параллельными краями и гранями. Вторичное преобразование сколов осуществлялось традиционными для верхнего палеолита приемами – выемчатый (7–9 %) и резцовым (5–12 %) сколами, подтеской (5–12 %) и ретушированием. Последняя разновидность отделки преимущественно лицевая (56,8–91,4 %), краевая, распространенная, линейная, непрерывная. На единичных образцах отмечены признаки ретуши приспособления, с помощью которой выделялись и ограничивались рабочие элементы (Шорохово I) орудий. Многократное переоформление изделий в томских индустриях не отмечено.

Наиболее характерной разновидностью орудий являются ретушированные пластины (16–30 %) – со следами лицевой, брюшковой, продольной, реже поперечной обработки (рис. 12). Среди скребков (11–18 %) преобладают концевые образцы, редко встречаются стрельчатые, с носиком, двойные и микроформы (Шорохово I, Ильинка II). Резцы (4,5–12 %) исключительно угловых и срединных разновидностей. Единичными экземплярами представлены долотовидные орудия и проколки. Скребел немного (4–9 %), обыч-

но это простые выпуклолезвийные образцы. Группа зубчато-выемчатых орудий, напротив, весьма представительна – 15–20 %. Единичны ножи и остроконечники (Шорохово I, Аильский клад).

Орудия из галек встречаются нечасто. Единичными образцами представлены чопперы (Бедарево II, Ильинка II) и чоппинги (Шорохово I).

Вторично преобразованные артефакты в процессе эксплуатации ломались. Более 50 % изделий представлено в обломках. Чаще всего ломались скребла, ретушированные пластины и анкоши. По данным функционального анализа, ретушированные пластины

служили ножами по мягкому материалу, некоторые из них вместе с анкошами и резцами использовались при обработке дерева и кости. Функции скребков и скребел были не менее разнообразны – от обработки шкур до твердых поверхностей. Изделия, выполненные на удлиненных сколах, чаще утрачивали концы. Обломы орудий на отщепе могли быть поперечными, продольными и диагональными. Случаев преднамеренного членения артефактов с признаками вторичной отделки в индустриях региона не отмечено.

Каменный инвентарь, который становился непригодным для эксплуатации, оставляли на местах поселений.

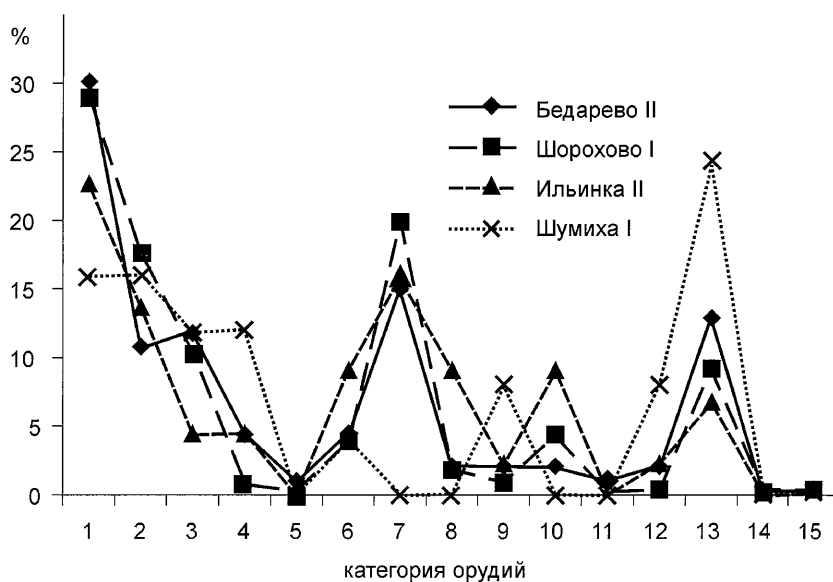

Рис. 12. Распределение орудий на палеолитических памятниках в долине Томи. 1 – ретушированные пластины, 2 – скребки, 3 – резцы, 4 – долотовидные орудия, 5 – проколки, 6 – скребла, 7 – анкоши, 8 – зубчатые орудия, 9 – галечные изделия, 10 – ножи, 11 – пластинки с притупленным краем, 12 – отбойники, 13 – ретушированные отщепы, 14 – остроконечники, 15 – бифасы.

Судя по планиграфии и планиметрии находок, отдельных частей артефактов, подходящих друг к другу, на базовых палеолитических стоянках в долине Томи отсутствуют участки особой концентрации сломанных орудий и отходов производственной деятельности.

Заключение

Создание технологических моделей, безусловно, расширяет возможности сравнения разноудаленных памятников, основанных не только на сочетании категорий и типов каменного инвентаря, но и на последовательности расщепления горных пород, изготовлении и использовании орудий. Ранее особенностью финальнопалеолитических индустрий юго-восточной части Западной Сибири считалась их пластинчатая направленность, получившая отражение в большом объеме удлинённых заготовок и разнообразии плоскостных ядрищ, предназначенных для их снятий. Эта черта сближает палеолитические памятники в районе Томи с некоторыми стоянками в долинах Енисея (Кокорев 1, Новоселово IV), Иртыша (пластинчатые индустрии стоянки Шульбинка). По другим типологическим признакам обнаруживается связь томских индустрий с индустриями Алтая (Сростки, Каратурук), западных отрогов Горной Шории (ушлепская культура, по А.Л. Кунгурову) и более удалённых объектов Северной Азии [Маркин, 1986, 1999]. Следует ожидать, что аналогии между отмеченными памятниками удастся выявить в ходе технологического анализа. Например, индустрии второй половины верхнего палеолита (слои 14а–11а возраста от $15\ 350 \pm 240$ до $10\ 310 \pm 330$ л.н.) стоянки Каминная [Деревянко и др., 1999; Кулик, Маркин, 2001; Маркин и др., 2001], расположенной в средневысотном эрозионном среднегорье Северо-Восточного Алтая, имеют немало общего с палеолитическими комплексами в долине Томи. Это сходство касается типологии некоторых артефактов (скребки, резцы, скребла, ретушированные отщепы и пластины) и технологии расщепления (плоскостное и призматическое, в т.ч. микропластинчатое, раскалывание. Кроме того, оно отразилось в технологическом цикле: в Каминной, индустрии которой основаны на местном сырье (вулканические, осадочные породы, яшмоиды, роговики), собранном вблизи стоянки, установлена такая же смена технических приемов на определенных стадиях раскалывания, как и в технокомплексах финала верхнего палеолита юго-восточной части Западной Сибири.

Список литературы

- Васильев С.А.** Поздний палеолит верхнего Енисея (по материалам многослойных стоянок района Майны). – СПб.: Центр “Петербургское востоковедение”, 1996. – 224 с.
- Деревянко А.П., Маркин С.В.** Палеолит северо-запада Алтае-Саян // Рос. археология. – 1998. – № 4. – С. 17–34.
- Деревянко А.П., Маркин С.В., Болиховская Н.С., Орлова Л.А., Форонова И.В., Дупал Т.А., Гнибиденко З.Н., Ефремов С.А., Цынерт И.И.** Некоторые итоги комплексных исследований пещеры Каминная (Северо-Западный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – С. 98–104.
- Зудин А.Н., Николаев С.В., Галкина Л.И., Будкева О.Ю., Ефимова Л.И., Панычев В.А., Пономарев Е.А.** Обоснование стратиграфической схемы неогеновых и четвертичных отложений Кузнецкой котловины // Проблемы стратиграфии и палеогеографии плейстоцена Сибири. – Новосибирск: Наука, 1982. – С. 133–149.
- Кулик Н.А., Маркин С.В.** К петрографической характеристике каменной индустрии пещеры Каминная (Горный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. – С. 136–141.
- Маркин С.В.** Палеолитические памятники бассейна р. Томи. – Новосибирск: Наука, 1986. – 177 с.
- Маркин С.В.** Некоторые итоги изучения палеолита бассейна р. Томи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – С. 169–173.
- Маркин С.В., Джалл Э.Дж.Т., Орлова Л.А., Кузьмин Я.В.** Интерпретация новых радиоуглеродных дат по пещере Каминная (Северо-Западный Алтай) // Современные проблемы евразийского палеолитоведения. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – С. 262–266.
- Окладников А.П.** Страница из жизни палеолитического мастера: клад каменных изделий у пос. Аил (с. Кузедеево) // Из истории Сибири и Алтая. – Барнаул: Алт. пед. ин-т, 1968. – С. 58–70.
- Холушкин Ю.П., Маркин С.В.** Опыт статистического сравнения палеолитических индустрий бассейна реки Томи // Древности Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 20–27.
- Bar-Yosef O., Meignen L.** Insights in to Levantine Middle Paleolithic Cultural variability // The Middle Paleolithic: adaptation, behavior and variability. – S.L.: The University Museum, University of Pennsylvania, 1992. – P. 163–182.

Материал поступил в редколлегию 16.09.04 г.

УДК 903.2

Е.П. Рыбин, К.А. Колобова*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: rybin@archaeology.nsc.ru*

СТРУКТУРА КАМЕННЫХ ИНДУСТРИЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ГОРНОГО АЛТАЯ*

Введение

Благодаря работам последних десятилетий на территории Горного Алтая, в результате которых были открыты и изучены стоянки эпохи среднего и ранней поры верхнего палеолита, исследователи располагают богатейшим материалом для изучения поселенческих систем и характера мобильности древнего человека. Однако возможности такого рода анализа ограничены. Например, отсутствуют зооархеологические определения костных остатков для многих объектов, что затрудняет изучение характера жизнеобеспечивающей деятельности, сезонности поселений, стратегий охоты и использования добычи. Кроме того, как было установлено в результате ряда исследований [Постнов, Анойкин, Кулик, 2000; Рыбин, 2002], спецификой палеолита Горного Алтая является использование древними популяциями почти исключительно местного сырья, в основном речного аллювия, находящегося, как правило, непосредственно около стоянки. Невозможность ввиду этого определить радиус передвижения популяций является препятствием на пути реконструкции размеров освоенной человеком территории. Материалы из некоторых регионов Западной и Центральной Европы позволяют решить эту задачу: по артефактам из сырья из близких и уда-

ленных источников удалось реконструировать систему передвижения популяций среднего и верхнего палеолита [Geneste, 1988, Féblot-Augustins, 1993]. Поэтому исследование каменной технологии и структуры индустрии остается одним из основных, если не единственным, способом изучения функциональных особенностей палеолитических памятников Горного Алтая.

Анализ каменных индустрий в этом направлении получил отражение в работах преимущественно зарубежных археологов, хотя некоторые его результаты освещались и в публикациях отечественных специалистов [Анисюткин, Филиппов, 1986; Дервянко, Петрин, Николаев и др., 1998; Рыбин, 2002]. В последнее время довольно активно обсуждаются вопросы, касающиеся каменных индустрий, украинскими археологами – исследователями палеолита Крыма [Демиденко, 1996; Chabai, Marks, 1998; Евтушенко, 2003].

Наметим в кратком обзоре, ни в коей мере не претендующем на полноту, основные направления исследований мобильности и палеоэкономических аспектов жизнедеятельности древних популяций, получивших отражение в каменной технологии (включая транспортировку и расщепление каменного сырья и утилизацию орудий). Существует несколько точек зрения на интерпретационные возможности комплекса инвентаря. Сторонники одной предполагают, что характер поселенческих систем и мобильности доисторических групп охотников-собирателей может быть восстановлен на основании анализа соотношения т.н. неформальных (или ситуационных) и формальных орудий [Binford, 1979; Henry,

* Статья написана в рамках программ, поддерживаемых фондами: РГНФ (проекты № 03-01-00424, 04-01-00537), РФФИ (проекты № 04-06-80017 и 04-06-80018), грантами Президента РФ МК (проект № 2755.2003.06) и НШ (проект № 2315.2003.6), а также молодежным Лаврентьевским грантом СО РАН (проект № 107).